

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-378-381

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

МИРОВА Малика Абдулмажидовна,

ООО «ГРАНДСТРОЙМИР», юрист, Семёновский пер, д. 15, Москва, 107023, Российская Федерация,
Государственный иммунитет в инвестиционных спорах: подходы международных инвестиционных
трибуналов, ORCID: 0009-0005-0862-6897,

e-mail: MirovaMalika@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИММУНИТЕТ В ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРАХ: ПОДХОДЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ТРИБУНАЛОВ

Аннотация. Проблемы, касающиеся государственного иммунитета, в инвестиционных спорах возникают не столько на стадии рассмотрения дела международным инвестиционным трибуналом, сколько на стадии признания, приведения в исполнение и фактического взыскания по арбитражному решению в национальных юрисдикциях. Механизмы признания и приведения в исполнение арбитражных решений, закреплённые в таких международных договорах, как Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (далее — Нью-Йоркская конвенция 1958 г.) и Вашингтонская конвенция 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (далее — Вашингтонская конвенция 1965 г.), во многом оставляют открытыми вопросы, связанные с государственным иммунитетом в части допустимости обеспечительных и исполнительных мер в отношении имущества государства. В настоящей статье рассматриваются подходы международных инвестиционных трибуналов и национальных судов к государственному иммунитету при исполнении инвестиционных арбитражных решений, анализируется эволюция соответствующей доктрины и практики, а также обосновывается с точки зрения международного права разграничение юрисдикционного иммунитета и иммунитета от мер по принудительному исполнению, имеющее принципиальное значение на стадии фактического взыскания. Особое внимание уделяется положению, согласно которому согласие государства на арбитраж не означает одновременного отказа от иммунитета от мер принудительного исполнения. На основе проведённого анализа автором сформулированы выводы, которые могут иметь практическое значение для российских судов при рассмотрении вопросов признания и исполнения инвестиционных арбитражных решений и при оценке допустимости принудительных мер в отношении имущества иностранного государства.

Ключевые слова: государственный иммунитет, иммунитет от принудительного исполнения, инвестиционный арбитраж, отказ от иммунитета, приведение в исполнение арбитражных решений.

MIROVA Malika A.,

GRANDSTROY MIR LLC, Associate, 15 Semenovskiy Lane, Moscow, 119454, Russian Federation, State
immunity in investment disputes: the approaches of international investment tribunals

STATE IMMUNITY IN INVESTMENT DISPUTES: THE APPROACHES OF INTERNATIONAL INVESTMENT TRIBUNALS

Annotation. Issues relating to state immunity in investment disputes arise less at the stage of review by an international investment tribunal than at the stage of recognition, enforcement, and actual execution of an arbitral award in national jurisdictions. The procedures for the recognition and enforcement of arbitral awards, as set out in international treaties such as the 1958 New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (hereinafter — 1958 New York Convention) and the 1965 Washington Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (hereinafter — 1965 Washington Convention), leave many questions open regarding state immunity in relation to the admissibility of provisional and enforcement measures in respect of state property. The article examines how international investment tribunals and national courts approach state immunity in the enforcement of investment arbitration

awards and justifies, under international law, the distinction between jurisdictional immunity and immunity from execution. Particular attention is given to the proposition that a state's consent to arbitration does not in itself entail a waiver of immunity from enforcement measures. The author draws conclusions that may be of practical relevance to Russian courts considering the recognition and enforcement of investment arbitration awards and assessing the admissibility of enforcement measures against foreign state property.

Key words: sovereign immunity, immunity from enforcement, investment arbitration, waiver of immunity, enforcement of arbitral awards.

Государственный иммунитет в доктрине рассматривается как гарантия независимости государств в международном общении: он выражает пределы осуществления судебной власти одного государства в отношении другого и его имущества и, тем самым, является проявлением принципа суверенного равенства государств (*par in parem non habet imperium*), в соответствии с которым государство не осуществляет властные полномочия в отношении другого государства без его согласия [3, с. 13-14]. Современное право иммунитетов формируется на стыке обычного международного права, международных договоров и национального законодательства, которое обеспечивает реализацию данного международно-правового института применительно к конкретным вопросам (вопросы подсудности, процедуры уведомления, формы и пределы отказа от иммунитета и т.п.). Основные международные договоры, обеспечивающие признание и приведение в исполнение арбитражных решений, а именно Нью-Йоркская конвенция 1958 и Вашингтонская конвенция 1965, не содержат исчерпывающего набора норм о допустимости мер принудительного исполнения в отношении имущества государства и о преодолении иммунитета от исполнения, оставляя этот вопрос на усмотрение национальных судов.

Одной из ключевых попыток кодификации выступает Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г. (далее – Конвенция 2004 г.), закрепляющая общее правило иммунитета государства и его имущества от юрисдикции судов другого государства при наличии оговорённых в Конвенции 2004 г. исключений [5, с. 38-41]. Подход, заложенный в Конвенции 2004 г., строится на выделении общего правила и исключения из него, а именно перечисление ситуаций, в которых государство не может ссылаться на иммунитет (например, в рамках коммерческих сделок, трудовых споров, вред, интеллектуальных споров и т.д.), — то есть на случаи, где государство выступает не в качестве суверена и субъекта международного права, и территориальная связь признаётся достаточным основанием для юрисдикции национального

суда [5, с. 12-17]. Особое значение для практики признания и исполнения иностранных решений и арбитражных актов имеет разграничение иммунитета от юрисдикции и иммунитета от мер принудительного исполнения. Даже при допустимости разбирательства по существу в силу исключения из иммунитета либо вследствие согласия государства принудительное воздействие на государственное имущество требует отдельно выраженного согласия государства [3, с. 474-476]. Это отражено, в том числе, в Конвенции 2004 г., которая отдельно регулирует меры принудительного характера: во-первых, предписывает общий запрет на обеспечительные (до вынесения решения) меры в отношении имущества государства, за исключением случаев прямого согласия либо предварительного выделения имущества под удовлетворение требований; во-вторых, вводит специальный режим, допускающий исполнение лишь при наличии отдельного согласия, выделения имущества либо установления того, что конкретное имущество находится на территории государства суда и используется или предназначено к использованию для целей, отличных от правительственных некоммерческих.

Российское право в Федеральном законе также закрепляет деление иммунитета иностранного государства, выстраивая режимы судебного иммунитета, иммунитета от обеспечительных мер и иммунитета от исполнения решения. Закон также содержит оговорки о сохранении международно-правовых привилегий и иммунитетов дипломатических и иных официальных представительств и связанных с ними лиц, а равно отдельных категорий государственных объектов. Отдельно закреплён принцип взаимности: объем иммунитетов иностранного государства может быть ограничен, если будет установлено, что России предоставляется меньший объем защиты в соответствующем иностранном государстве.

Исключения из судебного иммунитета основаны на функциональном подходе и охватывают споры, связанные с участием иностранного государства в гражданско-правовых сделках и иной экономической деятельности, когда соответствующие

отношения не связаны с осуществлением суверенных властных полномочий, а также ряд иных категорий споров. Тем самым российское законодательство воспроизводит логику, заложенную в Конвенции 2004 г.: государство сохраняет иммунитет в отношении *acta jure imperii*, но не вправе ссылаться на него в связи с участием в гражданско-правовых отношениях.

Тем не менее, в практике имели место ситуации, когда инвесторы предпринимали попытки добиться признания, приведения в исполнение и фактического взыскания по инвестиционным арбитражным решениям в национальных судах, однако такая стадия нередко сопровождалась существенными процессуальными и материально-правовыми затруднениями, связанными с нормами о государственном иммунитете от исполнительных мер, ограничивающие возможность обращения взыскания на имущество государства без наличия предусмотренных законом оснований для преодоления такого иммунитета [6, с. 671–697].

Тема государственного иммунитета в инвестиционных спорах является актуальной для российского правоприменителя по той причине, что Российская Федерация уже выступала и продолжает выступать стороной резонансных инвестиционных разбирательств, по итогам которых инициировались многочисленные процедуры признания и принудительного исполнения в иностранных юрисдикциях. Так, дело *Franz Sedelmayer v. Russian Federation* демонстрирует, что даже при наличии инвестиционного арбитражного решения в пользу инвестора стадия взыскания может оказаться длительной и затруднённой в связи с заявлением возражений о государственном иммунитете. На протяжении многих лет инвестор предпринимал многочисленные попытки обратиться взысканием на активы Российской Федерации в национальных судах Германии: одни меры (например, обращение взыскания на требования по платежам, связанным с правами пролёта/транзита/посадки) были отклонены как затрагивающие активы, обслуживающие публичные и потому защищённые иммунитетом. Только после выявления имущества, используемого на коммерческих условиях (недвижимости, сдаваемую в аренду), суды допустили применение мер принудительного управления и реализации.

Другим делом, в котором вопрос государственных иммунитетов стал одним из ключевых, является *Yukos v. Russia*. В рамках данного дела после присуждения крупной компенсации были начаты производства по признанию и приведению в исполнение в

ряде государств, которые сопровождались параллельными процессами об отмене решения по месту арбитража и попытками обратиться взысканием на активы Российской Федерации за рубежом, включая объекты, по которым заявлялась дипломатическое назначение либо публично-правовой характер их использования [1, с. 49–67]. Эти примеры демонстрируют, что вопросы разграничения иммунитета от юрисдикции и иммунитета от мер принудительного исполнения, исключения в связи с коммерческим использованием имеют для российской правоприменительной практики не абстрактное, а прямое значение, поскольку затрагивают правовую позицию Российской Федерации как участника инвестиционных споров и определяют предсказуемость судебных решений по делам, связанным с вопросами иммунитета.

Сопоставление указанных дел позволяет выявить принципиально различный комплекс вопросов государственного иммунитета на стадии исполнения. В деле *Franz Sedelmayer v. Russian Federation* спор был сосредоточен преимущественно на квалификации объекта взыскания и его функциональной связи с осуществлением публичных полномочий: национальные суды, исходя из ограничительной доктрины иммунитета, исключили применение мер по обращению взыскания в отношении требований, относимых к сфере публичного управления, и допустили меры принудительного характера лишь в отношении имущества, по которому было установлено коммерческое использование (например, сдача недвижимости в аренду на рыночных условиях).

В деле *Yukos v. Russia*, напротив, масштаб присуждения и множественность юрисдикций исполнения обусловили более «агрессивную» стратегию обращения взыскания на имущество государства и попытки распространить меры на широкий круг активов, включая такие, в отношении которых Российская Федерация заявляла дипломатическое либо иное публичное назначение, что свидетельствует о риске расширительного и потенциально спорного с точки зрения общепризнанных международно-правовых стандартов защиты дипломатической собственности и иных активов публичного назначения толкования пределов исполнительного иммунитета.

Для российских судов из приведённых кейсов следуют практико-ориентированные выводы, существенные для единообразного применения режима иммунитетов (в том числе Федерального закона № 297-ФЗ). Во-первых, при рассмотрении заявлений, связанных с исполнением решений против иностранного

государства, необходимо последовательно разграничивать: (а) вопросы признания и приведения в исполнение арбитражного решения и (б) вопросы допустимости конкретных мер в отношении конкретного имущества. Во-вторых, требуется чёткая дифференциация юрисдикционного иммунитета и иммунитета от принудительного исполнения, а также отдельная проверка наличия и объёма согласия, причём с учётом того, охватывает ли он именно стадию обеспечительных либо исполнительных мер. В-третьих, при отсутствии явного отказа ключевое значение приобретает доказательственная оценка фактического использования имущества: суду надлежит установить, используется ли актив для целей, не связанных с осуществлением суверенных властных полномочий, и дополнительно проверить, не относится ли имущество к категориям повышенной защиты (прежде всего дипломатического назначения, имущества центральных банков и иных активов, направленных на публичные цели).

Таким образом, государственный иммунитет, являясь проявлением принципа суверенного равенства государств, в современном международном праве действует как ограничительный режим, основанный на функциональном разграничении суверенных действий государства и действий как участника частноправовых отношений, при этом на практике решающее значение имеет различие иммунитета от рассмотрения спора по существу и иммунитета от обеспечительных и исполнительных мер: даже если спор подлежит рассмотрению или уже разрешён арбитражем, обращение взыскания на государственное имущество допускается лишь при наличии самостоятельного правового основания, прежде всего ясно выраженного согласия государства либо установления коммерческого использования конкретного актива и при обязательной проверке имущества, пользующегося повышенной защитой. Возрастающее количество инвестиционных споров с участием Российской Федерации подтверждает прикладную значимость этих вопросов для России, поскольку эффективность инвестиционных арбитражных решений в конечном счёте определяется тем, как национальные суды квалифицируют конкретные активы и мотивируют допустимость или недопустимость мер по обращению взыскания.

Список литературы:

[1] Рачков И. В. Дело «ЮКОС против Российской Федерации» и вопрос о юрисдикционном иммунитете государства / И. В. Рачков, Н. А. Чурилина // Московский журнал международного права. – 2016. – № 3. – С. 49–67. – DOI: 10.24833/0869-0049-2016-3-49-67.

[2] Хлестова И. О. Новый закон «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства» / И. О. Хлестова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 2. – С. 128–135. – DOI: 10.12737/19213.

[3] Fox H. The Law of State Immunity / H. Fox, P. Webb. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015.

[4] Lim C. L. Challenging and Enforcing Awards, and the Question of Foreign State Immunities / C. L. Lim, J. Ho, M. Paparinskis // International Investment Law and Arbitration: Commentary, Awards and other Materials. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 474–476.

[5] O’Keefe R. General Introduction / R. O’Keefe, C. J. Tams // The United Nations Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property: A Commentary / ed. by R. O’Keefe, C. J. Tams. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 38–41.

[6] Reinisch A. Enforcement of Investment Awards / A. Reinisch // Arbitration Under International Investment Agreements: A Guide to the Key Issues / ed. by K. Yannaca-Small. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 671–697.

References:

[1] Rachkov I.V. Yukos v. Russian Federation case and the issue of jurisdictional immunity of the state / I.V. Rachkov, N.A. Churilina // Moscow Journal of International Law. – 2016. – № 3. – S. 49–67. – DOI: 10.24833/0869-0049-2016-3-49-67.

[2] Khlestova I.O. New Law “On Jurisdictional Immunities of a Foreign State and Property of a Foreign State” / I.O. Khlestova // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2016. – № 2. – S. 128–135. – DOI: 10.12737/19213.

[3] Fox H. The Law of State Immunity / H. Fox, P. Webb. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2015.

[4] Lim C. L. Challenging and Enforcing Awards, and the Question of Foreign State Immunities / C. L. Lim, J. Ho, M. Paparinskis // International Investment Law and Arbitration: Commentary, Awards and other Materials. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 474–476.

[5] O’Keefe R. General Introduction / R. O’Keefe, C. J. Tams // The United Nations Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property: A Commentary / ed. by R. O’Keefe, C. J. Tams. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 38–41.

[6] Reinisch A. Enforcement of Investment Awards / A. Reinisch // Arbitration Under International Investment Agreements: A Guide to the Key Issues / ed. by K. Yannaca-Small. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 671–697.